

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAÍS”

SEMANARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual № 949917

Correo Argentino
Suc. 30 (B)FRANQUEO PAGADO
Concesión № 4233
Concesión № 3980

INTERES GENERAL

Editor . Director
TATIANA K. DE DUBROWSKY
Casilla de Correo 2847
Buenos Aires Argentina

AÑO XXIV Buenos Aires, Martes 7 de Diciembre de 1971

Буэнос Айрес, вторник 7 декабря 1971 года

№ 1137

Н. АНДРУШКЕВИЧ

ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

Данная статья является сжатым изложением доклада прочитанного перед группой русской молодежи в буэносайрском пригороде Villa Ballester. Тема доклада была выбрана самой молодежью.

ЗНАЧЕНИЕ ПОЛИТИКИ

В наши дни говорить о политике трудно, ибо даже само слово политика очень часто воспринимается как синоним чего-то плохого или грязного. Однако, как раз в наши времена, иногда не бесполезно задуматься поглубже над самыми обыденными и казалось бы привычными явлениями, для того, чтобы проверить на деле является ли привычное нормальным. Поэтому, можно поставить следующий вопрос: отталкивание от политики не является ли чьей-то политикой?

Другими словами, если мы будем заранее отказываться от политики и от разрешения политических проблем хотя бы в области теоретической, то не будет ли это самая плохая политика, а именно политика капитуляции? Вообще, аполитичность, есть тоже своего рода политика.

Да и сам человек не может никогда полностью отказаться от политики, потому что он по своей природе существует политическое. На Западе очень любят пользоваться двумя определениями: человек — общественное животное (по Аристотелю) и человек — рациональное животное. Но оба определения можно сократить в одно, сказав, что человек — существо политическое. В действительности у Аристотеля так и сказано, да и общество в древнем мире мыслилось только в рамках «полис». Что же касается «рациональности» человека, то этот термин происходит от «РЕЧИ» по-латыни «РАТИ», так же как «логичность» происходит от «ГЛАГОЛА» или «ЛОГОСА». Где же глаголять человеку, как не в городе, в обществе? Сократ говорил, что ему нечего делать в поле, ибо он не дерево и не животное, но ему есть что делать в городе, с людьми, с себе подобными.

Город и есть новое, человеческое измерение пространства: вместо бесконечного поля, поле ограниченное, огороженное, город. В городе человек поворачивается спиной к полю, и смотрит в лицо своим согражданам, смотрит в центр города, на городскую площадь. Там и развивается политическая жизнь, но также и цивилизация, ибо «civis» есть город. Даже школа имеет политическое происхождение: только оградившись стенами города, в полисе, человек может организовать свой ДОСуг, а досуг (по-латыни «OTIUM» и по-испански «OCIO»), по-гречески и есть школа, «схола».

Когда человек, благодаря достижениям цивилизации, может оторваться хотя бы временно от активной борьбы за жизнь, он во время своего завоеванного досуга творит дальше цивилизацию, замыкая таким образом спираль усовершенствования, что и есть школа. В противоположность возделыванию полей, землемелию (*agricultura*) в полисе человек «глаголя» культивирует свой собственный дух. (Испанский философ начала XVI века Хуан Луис Вивес впервые употребил слово культура в нашем современном понятии, но именно как «культура духа», «cultura alimé». Это и дает историческое обоснование нашему русскому толкованию этого термина как раз в смысле «культуры духа», в противоположность западному толкованию, по-

что что не отличающему культуру от цивилизации).

Отрицание политики очень часто сопровождается отрицанием и школы, а отрицание школы и есть «нег-отнум», то есть просто делà, «бизнесы». Поэтому, когда голь активизм и материалистический экономизм (будто с упором на накопление, распределение или производство) вытесняют культуру и школу (в высшем смысле этого слова), тогда и человек как существо политическое вырождается, и превращается просто в мещанина.

ЧТО ТАКОЕ ПОЛИТИКА?

Политика является одновременно искусством, наукой и техникой. Но в данном случае мы попытаемся подойти только лишь к самой сущности политики, не останавливаясь на ее разнообразных формах проявления в жизни. По Кузьме Пруткову, нужно «зреть в корень дела». (На современном философском языке, Ортега и Гассет это называют «видеть коренную реальность»).

Если политика происходит от «города-государства», то, казалось бы, политика и будет наукой, искусством, техникой для создания и сохранения государства, и вообще «деланием исходя из государства», *fare dallo Stato*. Но кто создает государство, кто является его субъектом? Да и само государство, является ли настоящим деятелем истории, в которой оно движется?

Государства создаются народами, и народы же являются настоящими деятелями истории, как это правильно отметил в свое время А.С.Хомяков. (Хомяков говорит, что народ это «единственный и постоянный действователь истории», однако, вместо слова «действователь» я употребляю слово «деятель», следуя в этом случае терминологии Н. Лосского. Называя народ «деятелем», в согласии со своим учением о субстанциальных деятелях, Н. Лосский говорит, что «каждый народ есть живое органическое целое, во главе которого стоит Личность народа, субъект всей народной жизни»).

Поэтому, политика относится к государству, но имеет свою цель не само государство, а народ. Не могу не привести тут несколько выражений на эту тему Ортега и Гассет: «Если бы было необходимо определить политику одним лишь свойством, я бы не колеблясь предпочел следующее: политика это значит иметь ясное представление о том, что должно быть сделано в нации при помощи государства». И дальше: «Ибо единственная историческая реальность, это нация, а не государство... Государство это только инструмент для национальной жизни... Политическая мысль должна подойти с другой стороны к этому вопросу (а именно): как организовать государство, чтобы нация

усовершенствовалась? ... Большая политика сводится к приведению народного организма в такое положение, чтобы он мог действовать сам по себе», *fare da sé* (а не *fare dallo Stato*). И на конец: «Государство совершенно когда оно предоставляет себе минимум необходимых преимуществ, содействует жизненности (вitalности) граждан»¹⁾.

Выяснив таким образом цель политики, теперь необходимо также выяснить ее основную функцию. Эта основная функция политики, заключается в собирании, интегрировании граждан государства в народном организме.

В каждом языке имеются некоторые особо меткие, точные, но в то же время полные глубокого смысла, слова, только этому языку присущие. Так, например, у нас есть замечательное слово «соборность», от «собирать». В романских языках такого ясного, глубокого и красивого слова нет. В области религии оно заменяется у них им непонятным, или вернее неправильно понимаемым, словом «католичность», но это другая тема. Зато в испанском языке есть другое производное слово от глагола «собирать», *juntar*, а именно: *Ayuntamiento*, что значит и собрание людей, и собрание домов, и просто «муниципалитет». Так оно и есть: собрание людей и собрание домов и есть город, муниципалитет.

В древних Афинах само зарождение города связывалось с таким собранием домов и людей, которое называлось «синойкия», что значит «сожительство», («син» это «со», а «ойкос» это «дом»). А Момзен, получивший в начале этого века нобелевскую премию по литературе за свою «Историю Рима», говорит:

¹⁾ Известный французский специалист по вопросам стратегии, генерал Бониф, в своем докладе о «Политике, стратегии и их соотношениях», прочитанном в Буэнос Айресе 9-го ноября с. г., определил «большую политику» как «всё то, что касается интересов города-поля» и как «общую ориентацию деятельности государства». В свою очередь, «малая политика» включает в себя «действия, направленные на завоевание общественного мнения и на достижение избирательных успехов». Однако, такое определение является ограниченным, ибо оно не выходит за рамки формального описания содержания политики, и ничего не говорит о ее источках ни о ее задачах. Современные технократические описания методов очень часто упускают из виду, что метод — это «путь к цели» (meta-одос), то есть дорога, которая куда-то метит. Нельзя же описывать дорогу, ничего не сказав, откуда она и куда она ведет. Точно также недостаточно говорить об «общей ориентации деятельности государства», не сказав, по отношению к чему происходит такая ориентация, ибо нет ориентации без «ориента» (востока).

Ф. М. Достоевский, в «Дневнике писателя» за 1880 год, высказывает следующим образом это чрезвычайно важное положение о начале национальностей: «При начале всякого народа, всякой национальности, идея нравственная всегда предшествовала зарождению национальности, ибо она же и создавала ее. Исходила же эта нравственная идея всегда из идей мистических, из убеждений, что человек вечен, что он не простое земное животное, а связан с другими мирами и с вечностью».

Одна эта фраза нашего действительно великого провидца и мыслителя заслуживала бы самого пристального изучения и анализа в рамках более широкого теоретического исследования о том, что

2) См. мою статью «Сущность современных идеологий», «Наша Страна» № 1107 от 11.5.71. Вообще мы часто очень мало знакомы с происхождением и первичным значением многих юридических и государственных терминов древнего Рима, которые мы, однако, продолжаем употреблять в том или ином виде. Например: адвокат, император, империя, капитолий, кворум, класс, колония, командовать, комитет, конституция, консул, корпус, легат, милиция, орден, провинция, прокурор, пролетарий, сенат, трибуна, трибунал, царь, цензура и т.д.

народ выдержит все - без ущерба

Еще раз особо я подчеркиваю, что в народе нашем вполне сохранилась такая твердая сердцевина, которая спасет его от излишеств и уклонений нашей культуры и выдержит все грядущее к народу без ущерба, и именно своей природной самостоятельностью. Вот на эту сторону нашей своеобразной культуры, которую и надо считать за драгоценность и на которую, напротив, все эти господа либералы до сих пор не обратили ни малейшего внимания, я и хочу сказать и разъяснить.

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ
«Дневник писателя»

КОГДА ЭТО СТАНЕТ ВОЗМОЖНЫМ?!

Угрозой не пустить обратно в страну, советские инстанции гдэ назад воспрепятствовали поездке в Стокгольм Александра Исаевича Солженицына. С тех пор писатель ждет возможности принять в достойной обстановке Нобелевскую премию, присужденную ему Шведской академией. В конце ноября шведское посольство в СССР уведомило Шведскую академию, что попытки снять в Москве помещение для торжественного вручения Солженицыну Нобелевской премии закончились неудачей.

На днях Солженицын, в письме своему швейцарскому адвокату Фрицу Хееб сообщил, что все доходы от его книг будут использованы на гуманитарные цели в России, когда это станет возможным.

КОГДА ЭТО СТАНЕТ ВОЗМОЖНЫМ?..

такое политика, общество, народ и государство. В данном случае можно лишь стметить три момента: 1) Идея создающая народы, является как бы «идеей в квадрате», так как это «нравственная идея, исходящая из идей мистических»; 2) Эта идея больше чем мысль, она является «убеждением»; 3) Эта идея имеет трансцендентный характер, то есть она выходит за узко-человеческие рамки.

Такие «трансцендентные убеждения — идеи в квадрате» я и предлагаю для технического упрощения терминологии называть верованиями.

Отметив вкратце цель политики (делание для народа при помощи государства), ее функцию (сохранение и развитие соборности народных верований), необходимо указать на одно золотое правило, которое должно ею руководить.

Это золотое правило относится к характеру власти в государстве. Дело в том, что «центром тяжести» всякого государства и всякой политики является власть. Митрополит Анастасий говорит, что «властвовать, как показывает самый корень этого слова в разных языках (латинский *potestas*, французский *puissance*, английский *power*, а также немецкое *König*, король) — значит мочь». Можно добавить, исходя из лингвистических исследований Ортега, что от этого же корня «мочь» происходят не только немецкое *Macht*, английское *may*, *might*, но и римское *magistratus*. Таким образом, само имя, титул носителей государственной власти связано в своих итоках с идеей мощи, силы. И в конечном итоге, все проблемы политики сводятся к проблеме применения этой силы, крепости, «крагос»-а в человеческом обществе. Превосходная степень этого применения силы достигается тогда, когда сила стоит на службе всего общества, не одаряя привилегиями самих ее носителей. И, кроме того, когда эта сила базируется не сама на себе, а на источниках трансцендентного характера, то есть когда она исходит из источников находящихся вне внутренне общественных комбинаций. Такая власть будет легитимной. Если же власть будет оправдывать себя только лишь своей эффективностью, и иметь своим источником согласие большинства, то это будет легитимностью второго сорта. Кроме того, в действительности существует еще несколько разных типов нелегитимной власти.

Вопрос о легитимности власти является самым важным вопросом для теории политики, и заслуживает самого подробного разбора. В моей статье «Монархия будущего» («Наша Страна» № 1049 от 31-го марта 1970 г.), я вкратце каюсь этого вопроса. В данном случае, нет возможности дальше останавливаться на этой теме, так как она была затронута только для того, чтобы указать на вышеупомянутое золотое правило политики, которое можно выразить следующим образом: «Политика должна постоянно и неуклонно стремиться к увеличению и консолидации легитимности государственной власти».

ПУТИ АНТИ-ПОЛИТИКИ

Учитывая вышеизложенные определения необходимых атрибутов настоящей политики, сравнительно легко выяснить признаки плохой политики или же просто анти-политики.

Анти-политика отличается от политики отклонением, несоблюдением или извращением указанных атрибутов, которые являются лакмусовой бумагой для того, чтобы отличать политику от анти-политики.

Анти-политикой будет всякая тенденция усовершенствовать государство за счет народа, превратить народ в инстру-

мент для государства. Другими словами, поставить соотношение народ-государство вверх ногами.

Анти-политикой также будет всякое стремление к устранению или к недопущению легитимного начала власти в государстве. Оправдание самой государственной власти одной лишь нужной администрирования без учета высших судеб страны, в свою очередь исходящих из народных верований, тоже будет анти-политикой.

Но самую широкую практику анти-политики в наши дни мы наблюдаем в области борьбы с верованиями.

В моих статьях «Сущность современных идеологий» («Наша Страна» №№ 1105, 1106, 1107 от 27.4, 4.5 и 11.5.71) я довольно подробно указываю на разные типы идей, существующих в человеческих обществах. Идеи глубокие, почвенные, как бы прирожденные, хотя иногда и подсознательные, это — верования. Идеи же служебные, частные, придуманные, как рабочие гипотезы для разрешения тех или иных человеческих временных проблем, это — идеи-домыслы. Между этими двумя разнородными типами идей, существует еще как бы промежуточный тип: это коренные или живые идеи, которые хотя и принадлежат к типу идеи-домыслов, но базируются или исходят из верований. Теперь для краткости и для удобства я их предлагаю упрощенно назвать «традициями».

Так вот, вытеснение верований и традиций в государстве путем массированного внедрения разных домыслов, идеологий или просто «измов» является одним из основных путей современной анти-политики. Для этого применяются следующие методы:

1. Подмена соборной политики партийностью. Где брали верх партии, там всегда рано или поздно умирала «полис». Место политики занимало политианство.

2. Инсценировка борьбы между «измами», причем так, как будто бы никаких верований вообще нет. Затем, народ вынужден «выбирать» между лансированными вариантами «измов». Выборы превращаются в опцион между суррогатами разных видов.

3. Если верования нельзя еще совсем «сдать в багаж», то тогда иные «измы» наряжаются временно в некоторые из внешних атрибутов верований, для обмана и приманки.

4. Если же верования оказываются сильными, и даже преодолевают отрицательную сторону этих «измов», находясь здоровый синтез с имеющими относительную ценность служебными идеями-гипотезами технического характера,

Правление Литературно-Исторического О-ва «РУССКАЯ КУЛЬТУРА» извещает, что в субботу 11-го декабря сего года в 17 часов, в помещении Института Физической Культуры «Муром» (Calle O'Higgins 1368, Florida, F.G.C.B.M., полтора квартала от станции Florida, коллективы 15, 21, 71, 130, 161, 192, 228)

СОСТОИТСЯ ДОКЛАД ИНЖ. В. А. ХУНУНЦ
на тему

“ТВОРЧЕСТВО И ЖИЗНЬ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА”
После доклада обмен мнениями.

Вход свободный.

† Редакция и сотрудники «Нашей Страны» с глубокой скорбью извещают, что 24-го ноября с. г., после тяжелой болезни, скончался верный друг газеты, председатель Союза георгиевских кавалеров в Нью-Йорке

**ЗНАМЕНИТЫЙ РУССКИЙ ЛЕТЧИК
БОРИС ВАСИЛЬЕВИЧ СЕРГИЕВСКИЙ**

«Наша Страна» просит семью почившего принять ее самое искреннее соболезнование.

† 1-го декабря с. г. после тяжкой, продолжительной болезни скончалась

ЕКАТЕРИНА АВГУСТОВНА ФИНК,

о чём с прискорбием извещают сестра, невестка и друзья покойной. В субботу 11-го декабря с. г. в 9-й день кончины в храме Св. Троицы (Brasil 315) в 8 часов вечера будет отслужена Панихида.

тогда анти-политика напрягает все свои силы для того, чтобы любыми средствами такому синтезу воспрепятствовать. (Например, убийство Столыпина).

5. Если же синтез все-таки достигнут, или по крайней мере взято правильное на него направление, то тогда анти-политика стремится сделать это достижение времененным, путем извращения этого синтеза всеми способами. Подменить и скомпрометировать, — вот излюбленная техника в данном случае. Для иллюстрации, можно условно привести два современных примера: Первоначально выраженное стремление Латинства к сближению с Православием превратилось в сближение с Реформаторством, стоящем в противоположном от Православия направлении, а попытки поисков «третьего пути» для выхода из современного международного кризиса (пути немарксистского и нелиберального), с самого начала вылились в то, что теперь известно под именем «третьего мира».

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Каким же способом можно попытаться преодолеть анти-политику? Что для этого надо делать? Ответить на эти вопросы не так легко. Даже можно сказать, что легкие и упрощенные ответы и будут одним из проявлений анти-политики.

Дело в том, что политика — это часть самой жизни человека, хочет ли он этого или нет. А все, что является частью жизни по самой своей природе имеет сложный характер. Подходить к жизни, к истории, к политике с четкими и ясными схемами, как в геометрии, невозможно. Вообще легче достигнуть ясности в точных науках, чем в науках исторических. Поэтому мы гораздо больше видим «ясных голов» в науках, чем в политике. Математические науки занимаются проблемами вне пространства и вне времени, физические науки занимаются проблемами в пространстве, а исторические науки занимаются проблемами во времени. Но проблемы во времени имеют сложный характер хотя бы потому, что в историческом времени сосуществуют вместе и настоящее и прошлое и будущее, причем их соотношение не поддается точному измерению. Вообще же человек, как говорит Ортега, живет не в природе, как животное, а в истории.

Поэтому в политике надо опасаться простых объяснений, упрощений и вообще четких схем. Уже не одна диктатура была построена на четких схемах. В жизни могут быть вехи, направления,

контуры, но не четкие схемы (как “Die erste Kolonne marschiert” в “Войне и Мире”). Человек по своей природе свободен, и поэтому его можно только силой втиснуть в схему. Он не может жить в схеме, так же, как он не может жить в муравейнике, пусть даже хрустальном.

Политика должна носить собирательный характер, должна стремиться к синтезу. Даже можно сказать, что синтез есть задание политики. Но в поисках синтеза никоим образом нельзя упускать из виду двух необходимых условия для его достижения. 1) Невозможно обойтись без почвы, без исторических корней при любом политическом построении. 2) Невозмож но достигнуть синтеза со злом.

Обойтись без почвы, без исторических корней в политике невозможно потому, что как выше сказано, это бы противоречило самой природе, самой сущности этого проявления человеческой жизни. Нельзя отрезать прошлое от настоящего. То есть можно, но путем насилия. Но это не будет политика, потому что политика чисто технически является таким расположением сил в человеческом обществе, при котором не должно быть насилия по отношению к этому обществу. Значит, преодоление анти-политики требует отвержения таких политических рецептов, которые исходят из одной теории, без учета реальной исторической почвы и традиций, пустивших корни в эту почву, ибо эти рецепты могут быть осуществлены только путем насилия. Беспочвенной политики нет, ибо беспочвенная политика это есть анти-политика.

Что же касается невозможности синтеза со злом, то несмотря на всю очевидность этого положения, оно все же слишком часто забывается. Все особенно «хитрые» и «ловкие» приемы «временного» попустительства по «тактическим причинам» или «выгодам» являются в лучшем случае просто наивностью. А тут необходимо еще одно добавочное определение: политика не основана в мести и на наивности. В политике тоже необходимо отсеивать семена от плевел. А для преодоления наивности очень помогает понимание путей и методов, которыми пользуется анти-политика, и которые я выше частично перечислил.

Что касается России, то нет русской политики без достижения синтеза с нашими тысячелетними историческими традициями. Мы не можем отбросить ни Новгород, ни Киев, ни Владимир, ни Москву, ни Петербург, но мы можем принять любую служебную технику, если она не идет против наших верований и традиций. На эту тему можно привести слова Достоевского из программной статьи журнала «Время»: «Наша задача — создать себе новую форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей, взятую из народного духа и из народных начал». Однако, это не значит, что необходимо отметить все чужое только потому, что оно чужое: «Характер нашей будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий... русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством, развивает Европа, в отдельных своих национальностях».

Но центральное место в этом синтезе должна занимать наша Русская Правда, ибо «Сион спасется правосудием, и сбравшиеся сыны его — правдою» (Исаия, 1, 26).

И. АНДРУШКЕВИЧ

В воскресенье, 12-го декабря 1971 г., в 19.30 час. в католическом храме San Martín, de Tours, Calle San Martín de Tours 2949, Capital (4 квартала от Coronel Díaz y Las Heras между Avda. Libertador y Figueras Alcorta)
состоится
ДУХОВНЫЙ КОНЦЕРТ
п/ур. ЕВГЕНИЯ МАЛЬМ
В программе произведения Архангельского, Бортнянского, Колчина, Лядковского, Туренкова и Шереметева.
Средства сообщения: коллективы 27, 37, 41, 59, 60, 67, 102 и 131.
Вход — 300 песо.

ЛЮДМИЛА КЕЛЕР

„Горячий снег“ Юрия Бондарева

(Окончание)

Расспросы Сталина, настойчивые в отношении Власова, представлены так, как будто диктатор хочет выяснить «психологические предпосылки» подобных поступков своих генералов, вероятнее всего, чтобы в корне пресечь всякие возможности в этом направлении. Чувствуется бессильная, звериная злоба Сталина, от которого ускользнула одна из жертв и его недоумение: ведь уж Власова никак нельзя сделать человеком из «бывших», дворянином или купцом, происхождение его известно. Сталинские настроения переданы так: «...когда в дни начавшегося большого успеха трех фронтов под Сталинградом, в дни нашего ноябрьского контрнаступления мелькнула снова в разведыводках фамилия генерала Власова, Сталин опять пережил прежний гнев и вместе с тем, неуспокоенный, представлял, что мог чувствовать теперь Власов, там, в тылу у немцев, при сообщениях об успехах Красной армии...». Stalin ждал, что Бессонов, когда-то знавший бывшего командующего 2-й ударной по учебе в академии, этот немолодой, отдавший армии много лет генерал, определил бы то заветное в душевных проявлениях изменника, чуть пробивавшиеся корешки в давние годы, которые обясняли бы настоящее Власова. А это Stalin хотел знать точно.

Вопрос о Власове ведет к другому, не менее каверзному для генерала Бессонова вопросу со стороны Сталина: «Говорят, товарищ Бессонов, что вы иногда высказываете свою... особую точку зрения на разные события. Как насчет этих военнопленных, например. Соответствует в действительности это мнение о вас?». Изумительна осведомленность вождя народов, но она не удивляет генерала. Его ощущения осложняются тем, что он не знает точно судьбы сына и может предполагать, что и он в немецком плену. Вообще же состояние его не из приятных: «...он ощущал вдруг прошедший ветерок в груди и с чувством непривычного для себя состояния какого-то начатого крутого, разрушительного падения с высоты» он постарался уклониться от прямого ответа. Это, конечно, не удовлетворяет его собеседника и Stalin изрекает: «Почему прямо не отвечаете на вопрос?... Вы коммунист, товарищ Бессонов, и ответьте мне как коммунист. Всегда имели свою личную точку зрения на разные события?»

Ведь вот до чего добирается и вот в чем как бы обвиняет «немолодого» генерала! И генерал отвечает прямо:

«Старался иметь, товарищ Stalin. Но не всегда удавалось отстаивать ее до конца».

Дальше следует описание реакции Stalin на такую искренность: «Давно привыкнув к бесспорному согласию окружающих со своим мнением, как к норме, он иногда позволял очень немногим из приближенных людей высказывать свое личное, свое особое мнение, и ответ Бессонова напомнил ему одного из представителей Ставки, который подчас и раздражал его и вместе необходим был своей безбоязненной прямотой...»

Дальше разговор развертывается вот в каком направлении: «...Ваши сомнения, повидимому, относились к судьбам некоторых военачальников, которых мы в свое время наказали?» — спрашивает Stalin.

Тут интересно все: и осведомленность, и это напыщенное «мы» и лживое «наказали» (большинство было расстреляно).

Но Бессонов все-таки генерал; несмотря на то, что он чувствует, что еще ближе придвижился к «ледяному ветру» он отвечает: «Эта точка зрения сложилась потому, что мне пришлось служить с некоторыми военачальниками, впоследствии ставшими жертвами клеветы».

На это Stalin реагирует так: «Мне известны такого рода сомнения. Борьба — суровая вещь. Но многие из тех, в ком мы тогда сомневались — люди с потенциальной душонкой Власова. Перегибы

и ошибки давно исправили. Рокоссовский и Толбухин успешно воюют под Сталинградом».

Какая злостная клевета на маршала Тухачевского и прочих погибших в кровавом месиве сталинских расправ! И совсем не потому они погибли, что Stalin действительно считал их способными к измене, а потому, что мешали его величию, его славе, что некоторые из них были выдающиеся люди, что они были популярны и их знали и любили. И как удачно исправлены мелкие «перегибы» и «шибки». Интересно только, верит ли Stalin Толбухину и Рокоссовскому до конца, ведь и они в случае чего могут стать изменниками. А в уме допрашиваемого генерала встает вопрос: «А как же остальные?» И правда, два вылезли, потому что понадобились, а где остальные? Где те люди, которые могли встретить немецкий удар достойно, опытные военные руководители, которые не растерялись бы при первых неудачах, которые не загубили бы бесценные жизни русских людей бездарным руководством? Их гибель привела к гибели многих и многих сотен тысяч (если не миллионов) и недаром существует догадка о том, что первые подозрения о «заговоре военных» были посажены в подозрительной душонке Stalina немцами (может быть из посредстве Бенеша, который был только исполнителем какого-то дьявольского плана). Но немцы — враги, понятно, что они хотят ослабить армию противника, противника будущего, но все-таки противника, а вот почему неограниченный властитель государства, кровно как будто бы заинтересованный в боевой готовности своих вооруженных сил так услужливо уничтожает своих же военачальников, это ничем не объяснить. И ничем не извинить.

Под конец разговора выясняется, что Stalin отлично осведомлен и о положении с сыном генерала Бессонова: он предлагает зачислить его в списки пропавших без вести, а не в военнопленных. И даже собирается наводить о нем подробные справки. Stalin даже доверительно сообщает Бессонову, что и его сын пропал без вести с начала войны. Это несчастный Яков, который действительно был в немецком плену, и который погиб кажется тоже не без участия своего монстра-отца.

В дальнейшем семейная трагедия генерала Бессонова развертывается в стороне от главной сюжетной линии (связанной с лейтенантом Кузнецовым и его батареей). Stalinское зачисление сына Бессонова в без вести пропавших не помогло: сын оказывается в плену у немцев. И не только это, а гораздо хуже: вольно или невольно он используется немцами в той психологической войне, которая все время шла не менее остро, чем фронтовая. О местопребывании сына Бессонова узнает комиссар Веснин от начальника контрразведки армии, полковника Осина. Схема общего доверия строится так: к генералу Бессонову приставлен Веснин, а к Веснину — Осин (даже в их фамилиях чувствуется какая-то символика). Веснин — золотое сердце и рядом с холодноватым и сдержаным генералом он прямо-таки рубаха парень. Он вносит ту поту сердечности, которой так не хватает Бессонову. Веснин и принимает на себя удар Осина — тот приехал, прорвавшись через немецкие отряды во-первых для того, чтобы сообщить Веснину о том, что немцы вполне учили полезность пребывания сына Бессонова в их руках, а во-вторых, для того, чтобы убедить Веснину (а через него Бессонова) уехать в более безопасное место. Разговор комиссара и начальника контрразведки — одна из самых интересных сцен повести. Дело в том, что со временем читатель прекрасно догадывается, что начальник контрразведки армии не так уж и заинтересован в действительной целости и сохранности генерала. Нет, его как и высшее начальство (самого Stalina) грызет неуверенность: а вдруг да, после какой-нибудь военной неудачи, и этот генерал предпочтет сдаться в плен?

Нам чужды трагедии вождей, но должно быть чувство недоверия ко всем абсолютно — не легкая вещь.

Но вернемся к секретному разговору Веснина и Осина. Бессонов отвергает предложение Осина отступить с передовой в более сохранные места: «Совсем напрасно рисковали, полковник, — безразлично и холодно проговорил Бессонов». Тэт-а-тэт политработников протекает в атмосфере далеко не дружественной: Осин говорит о беспокоящих его «превратностях боя», а Веснину не по душе его «безобидные полусоветы». Вообще же Веснин правильно оценивает положение, думая о той сдержанности и вежливости, за которой была скрыта какая-то осторожная и деликатная принадлежность к особой охранительной власти, которая в силу многих обстоятельств нужна была, существовала рядом, в одной армии с Веснином, выполняя свои необходимые функции, никогда не вмешиваясь в обстановку боя...» Мысли Осина совсем другого порядка: он «думал... о Веснине как о человеке слишком горячем, недальновидном, неосторожном, даже мягкотелом...» Кроме того Осин знает, что родной брат первой жены Веснина осужден в конце тридцатых годов. Веснин за это был вынесен строгий выговор, снятый только перед войной. Вообще обо всем, что он знает о Веснине говорится: «знал и помнил многое, о чем сам Веснин, по всей вероятности, давно забыл... Но как бы взвешивая все это в своей цепкой и ёмкой памяти, Осин по привычке прикрывался ничего не выражавшей улыбкой». Зачем в армии нужна какая-то власть, которая никогда не вмешивается в бой, но несет свои особые функции рядом с военными, рядом даже с комиссаром — это тайна той страны, «где так вольно дышит человек». А ёмкая и цепкая память такая же принадлежность профессионального сыщика-чекиста как здоровые мускулы — боксера.

Веснин ясно не формулирует выводов, но и ему ясно, что начальник контрразведки не стал бы зря рисковать своей жизнью из-за пустяков, и у него мелькает какая-то догадка, что «Вы что же, товарищ Осин, беспокоитесь... боитесь, что если возникнет полное окружение дивизии, то с Бессоновым и со мной черте что произойдет?» Ход мыслей Осина ясен и неуязвим: он показывает Веснину немецкую листовку (но просит не сообщать о ней генералу, чтобы не травмировать его), на которой изображен сын Бессонова «с фальшивой, вымученной улыбкой», но опровергающий «слухи советско-комиссарской пропаганды» о жестоком обращении с пленными. Конечно, Веснин расценивает листовку как фальшивку («Текст явно сфальсифицирован... Ведь школьник, мальчишка, воспитанный комсомолом, советской властью!»), но у нас, может быть, нет такой уверенности. Нет ее и у автора, который оставляет вопрос об истинном положении сына генерала Бессонова открытым.

Веснин гибнет при попытке выбраться из окружения и гибель его переживается и генералом Бессоновым и высшим командованием как стихийная катастрофа. Про Бессонова говорится, что он «отталкивался разумом» от этого непривиденного «точно обвала», сообщения о несчастье, а командующий фронтом, которому он докладывает об этом по телефону непосредственно после известия о том, что наступление немцев задержано, реагирует на это известие как истеричная баба: «Убит? Веснин? Значит не уберегли члена Военного совета! ... Сдерживать его надо было, смотреть в два глаза! Какого золотого человека потеряли, а? ... Ах, как ты меня убил! Насмерть убил!» Так кажется, что если бы Бессонов доложил о том, что Веснин жив, а вот немцев не остановили, командующий возникновил бы. Плохо что-то верится в такой тесный союз политработников и кадровых военных, но может быть сентиментальная и маловероятная струя, связанная с Веснином внесена автором неспроста: это своего рода «перестраховка». Ведь Ю. Бондарев взвешивая, вероятно, как на аптекарских весах дозы правды, которые можно ввести в повествование (тут, возможно, не обошлось без помощи «консультантов») принужден был писать и то, во что он сам, может быть, и не верит.

Однако, образ Stalina в этой повести намечен в других, непривычных для советской литературы тонах и во многих эпизодах Ю. Бондарев честно и искренне отразил действительность.

ЛЮДМИЛА КЕЛЕР

НЕ ДАДИМ ПОВТОРИТЬ УБИЙСТВА!

До войны, живя, то в Москве, то в Ленинграде я с преувеличением восторгом подростка относился к третьему большому городу — к веселому Киеву. Там жили у меня, на улице Ленина (бывшей Фундуклеевской) родственники и поездка в Киев была всегда праздником. Бурливый Крещатик, Михайловский спуск, с необыкновенной штукатуркой фуникулером, днепровский пляж, зеленая роскошь дачного поселка «Пуща-водица», куда ездил я с родными — все казалось лучше, интереснее, замечивее, чем в обеих северных столицах. Потом — пришла война. После заклинания о том, что «ни одной пяди своей земли не отдадим», советские полководцы во главе с мудрейшим гением всех времен и народов отдали немцам гигантскую территорию и на ней Киев.

Еще во время войны советские газеты, советское радио разнесли по всему

миру сообщение о том, что нацисты расстреляли в Киеве в Бабьем Яре 90.000 евреев. Помню хорошо именно эту цифру — 90.000 — и именно евреев. Так сообщалось до самого конца войны уже и тогда, когда в отбитом у немцев Киеве стала работать «Комиссия по расследованию преступлений гитлеровских захватчиков». В те годы никто, почему-то не говорил, что нацисты истребили в Киеве столько-то советских граждан, хотя это было бы правдой, ибо не евреев к концу оккупации лежало в Бабьем Яре больше, чем евреев. Но тогда говорили 90.000 евреев. Потом цифра слегка менялась 92 тысячи, 95; 75 тысяч евреев, наконец где-то промелькнуло «и советских граждан других национальностей». Это было самым верным сообщением из всех.

Однако очень скоро после окончания

войны сообщение о том, что нацисты расстреляли в Бабьем Яре по убийству 90.000 евреев не упоминалось. В первый мой приезд в Киев после войны я с вокзала поехал в Бабий Яр. Помню был настоящий яр, овраг довольно глубокий. Я спустился вниз и не увидел в общем никаких следов трагедии, да и что можно было увидеть после стольких лет. Запомнилась мне женщина в черном: она, чуть согнувшись стояла на дне оврага и при моем приближении не повернулась, вообще не двинулась. То ли молилась, то ли просто так стояла, думала.

Затем был долгий, долгий перерыв, в нем и смерть Stalina, и XX съезд и многое всего было. И вдруг в газете снова про Бабий Яр, в «Литературной газете». Нет, я не имею в виду стихи Евтушенко, они написаны гораздо позже, я сейчас вспоминаю письмо в «Литературную газету» писателя Виктора Некрасова, киевского архитектора. Некрасов писал, что в Бабьем Яре нет никакого

памятника жертвам гитлеровской расправы; он рассказывал, хотя и очень кратко, историю с попыткой засыпать, стереть с лица земли Бабий Яр, сделать там парк культуры и отдыха. Некрасов не писал, но было известно, что одним из инициаторов этого дела явился Николай Подгорный, в то время правивший Украиной.

После этого были и стихотворение Евтушенко «Бабий Яр» и знаменитое ответное стихотворение Алексея Маркова. Напомню, что стихи Евтушенко «Бабий Яр» заканчивались словами: «Еврейской крови нет в крови моей, но ненавистен злой заскорузлой я всем антисемитам, как еврей, и потому я настоящий русский». А стихотворение Маркова началось такой строкой: «Какой ты, к черту, русский...»

В Киеве, каждый сентябрь у Бабьего Яра стали собираться импровизированные митинги. Туда тянулись иностранцы, и под градом их недоуменных вопросов власти были вынуждены поста-

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ИОСИФ МАЦКЕВИЧ

Нам пишут из Мюнхена:

Известный польский писатель, проживающий в Мюнхене, как эмигрант, Иосиф Мацкевич, автор написанных польски и переведенных на многие языки романов, в том числе романа «Контра», в котором рассказана выдача казаков в Лиенце, поместил в выходящем в Лондоне польском еженедельнике «Вядомости» большой очерк о судьбе русских журналистов, братьев Котляревских, расстрелянных в начале 1944 года в Варшаве немцами.

Очерк этот дополняет то, что Мацкевич коротко упомянул об этой судьбе в своем последнем романе «Нельзя говорить громко», в котором он описал, как, в годы второй мировой войны, польское эмигрантское правительство, существовавшее тогда в Англии, удерживало существовавшие на оккупированной немцами польской территории попольные организации от разъяснения их участникам надвигавшейся с Востока коммунистической опасности.

Для статьи в «Вядомостях» Мацкевич использовал воспоминания бывшего возглавителя польской антигерманской бо-

вой организации в Варшаве С. Корбонского, сообщившего, что Котляревские погибли потому, что в квартире одного из них помещался центр этой организации, и воспоминания бывшего председателя Русского Комитета в Варшаве С. Л. Бойцеховского об его попытке спасти Котляревских.

И. Мацкевич включил в свой очерк пространные цитаты из этих воспоминаний, предварив их следующим отзывом об их авторе:

«Сергей Войцеховский происходил от старого рода Витебской шляхты. После Андрушовского перемирия в 1667 году, по которому Польша отказалась от Смоленска, Чернигова и Заднепровья, род этот обрусл за много поколений до нашего времени.

После большевицкого переворота в России, Войцеховский нашел убежище в Польше, где прожил большую часть эпохи ее независимости, а затем годы второй мировой войны. Он научился польскому языку, привязался к стране, ее культуре и людям. Был журналистом, писал для «Курьера Варшавского», под псевдонимом Эрго, статьи о России и большевизме. Одновременно он принимал деятельное участие в жизни русской эмиграции. Был последним представителем генерала Кутепова в Варшаве. После совершенного чекистами в

Париже похищения генерала, Войцеховский был членом правления Русского Комитета в Варшаве, а позже — председателем этого Комитета. На этом посту его застала война и немецкая оккупация. На этом посту он помог многим полякам».

А. ВЛАСОВ

Нам пишут из Торонто:

С советского рыболовного судна, находившегося вблизи берегов Канады, бежал 30-летний моряк Андрей Власов, обратившийся к канадским властям с просьбой о предоставлении ему политического убежища.

Литовско-Американское Общество в Соединенных Штатах сообщило, что за последние пять месяцев в Канаду с советских судов и самолетов бежало 63 человека, ставших эмигрантами.

Названное Общество издало и распространяло напечатанную на русском и английском языках листовку, обращенную к экипажам советских рыболовных флотилий в Атлантическом океане. Цель этой листовки — помочь бегущим с этих флотилий в Соединенные Штаты и в Канаду советским морякам в их первых шагах на территории этих государств. Поэтому, листовка содержит на своих языках текст тех заявлений, которые должно сделать американским или канадским властям лицо, желающее получить убежище.

LA BOLSA. Сдаются комнаты со всеми удобствами (горячая вода, ст. кухня и уборная и пр.). Цены умеренные. Писать: Estafeta La Bolsa. Prov. de Córdoba. M. Wagancoff.

ЗУБНОЙ ВРАЧ

Doctora
A. В. НИКИТИНА ЧУЧУВАДЗЕ
Endodoncia — лечение корней зубов, технические работы, рентгеновские снимки, бор-машина ultra-sonico.

Прием по предварительной записи. Понед., вторник, четверг и пятница от 15 до 20 час.
T. E. 88-0431. PANAMA 914, p. 5, A
Один квартал от подземной жел. др. Angel Gallardo по улице Corrientes

НАША СТРАНА

Орган монархической мысли.

Издатель - Редактор
Т. В. ДУБРОВСКАЯ

Со-Редактор
Н. Л. КАЗАНЦЕВ

Постоянные сотрудники:

И. Андрушкевич, Олег Бартенев, В. Ф. Вальдемарс, С. Л. Войцеховский, Б. К. Ганусовский, Людмила Келлер, Николай Кремнев, А. Ламберт, Г. Маслаков, А. Макриди, Алексей Ростов, Бор. Рясицкий, Ю. Слэзкин, Е. Фест, И. Шмитов

ЗУБНОЙ ВРАЧ

Dra. PISAREDICH de HORNBAIN
Docente de Facultad de Odontología

ДОКТОР МЕДИЦИНЫ

(говорят по-русски)

Специальное лечение корней зубов.
Бор-машина Ultrasónico.

Искусственные зубы.

Рентгеновские снимки.

Прием ежедневно от 14 до 20 час.
Corrientes 2885, P. 2, Pto 22, Capital
T. E. 88-3605

LA BOLSA. — Даю хорошие обеды по сходной цене. Донья Ана, против Православной церкви. La Bolsa. Prov. de Córdoba.

Получение метрик, брачных свидетельств в суде для “jubilación”, подданства и другие хлопоты.

АЛЛА МАРЧЕНКО

бывшая служащая Servicio Social Internacional.
Тел. 701-0449.

Доктор
ДМИТРИЙ ПОЛЯКОВ
по внутренним болезням
принимает: вторник и четверг
от 15 до 19 час.
остальные дни: заказывать часы.
Pueyredón 443, Villa Ballester
четыре квартала от станции.

8-го января 1972 г. в 9 часов вечера КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЕ О-ВО им. М. В. ЛОМОНОСОВА в г. Кильмес (Beruti y Vélez Sarsfield) устраивает

ТРАДИЦИОННУЮ РОЖДЕСТВЕНСКУЮ ЕЛКУ

Запись детей по телефону: 773-2364.

После раздачи подарков детям — ТАНЦЫ.

ОРТОПЕДИЧЕСКИЙ МАГАЗИН **ORTOPEDIA ALEMANA**

Протезы, мужская и женская ортопедическая обувь, корсеты, резиновые бинты и т. д. из лучшего заграничного и местного материала. Исполнение заказов быстрое и точное. Говорят по-русски. Предъявите им это объявление и русским инвалидам особая скидка.

CALLE LIBERTAD 845 — CAPITAL — T. E. 44-3213

вить каменную плиту с извещением, что здесь, мол, будет сооружен памятник советским гражданам, уничтоженным гитлеровцами. Но памятника нет и вряд ли он скоро появится. А потом произошло событие вновь обратившее память всего человечества к страшному оврагу на окраине Киева. В 1966 г. журнал «Юность» опубликовал роман Анатолия Кузнецова «Бабий Яр». Мало кто знал тогда в каком изуродованном виде появился роман Кузнецова в журнале, но даже с теми сокращениями и искажениями какие были сделаны, роман триумфально прошел по всему миру и был переведен на 30 языков.

А в прошлом году этот роман-документ совершил вторичное шествие по планете, но уже в оригинальном виде так, как написал его автор, подростком пережившим оккупацию Киева.

Анатолий Кузнецов в конце своей книги написал горькие слова: «Мир плох. Является благодетель с планом преобразования, по этому плану сегодня нужны жертвы, зато на финишे гарантирован всеобщий рай. Несколько зажигательных слов, пуля в затылок недоверчивым и вот уже миллионы голып охвачены порывом. Поразительно примитивно — а как действует!..» «... начинаются агрессии, чистки, доносы, расстрелы, издевательства, цинизм, причем, подозревая, совершенно безразлично во имя какой цели, достаточно голословно сообщить, что она прекрасна». Этих слов нет в советских изданиях «Бабьего Яра» Анатолия Кузнецова, как впрочем нет 30% того, что он написал. Все лучшее, все наиболее правдивое было вырезано руками Бориса Полевого, руками других редакторов и цензоров. И как не вспомнить, что Борис Полевой собственоручно карживший роман Кузнецова,

а позже, метавший громы и молнии по поводу решения Анатолия Кузнецова не возвращаться в СССР, как не вспомнить, что, однажды Полевой ответил американскому писателю на ту же тему.

В 1945 году, когда Борис Полевой был в Америке, к нему пошел Говард Фаст (в то время еще коммунист) и спросил, что случилось в СССР с поэтом Львом Квитко. Полевой прекрасно знал, что еще в августе 1952 года Квитко был уничтожен в падвале МГБ, вместе с другими представителями интеллигентии, но Полевой сказал Фасту: «Не верьте клевете, Квитко жив и здоров, я его видел несколько дней назад». Есть страшноватая поговорка о том, что мертвый хватает живого. Сегодня — 53 года спустя после начала большевецкого кровавого разгула в России — память о жертвах тревожит живых. Одних она заставляет задуматься, как предотвратить человеческоубийство во имя каких бы то ни было целей, других — нервирует тем, что все еще вспыхивает в умах, в молитвах, стихах, романах. Память хотят деформировать, ее хотят сделать избирательной. Пусть помнят только злодеяния гитлеровцев, пусть забудут злодеяния коммунистов, а если так нельзя, то пусть совсем ничего не помнят кроме сегодняшней передовицы. Отсюда настойчивые попытки стереть с лица земли Соловки, Катынь, Бабий Яр, сделать там скверик, стадион, что угодно! Время, однако, показывает, что сделать это не так просто. Костром горят Катыни в невеселой истории человечества. Кто хочет костер затоптать, тот хочет повторить убийства. Не дадим повторить убийства — вот молчаливый вопль русского народа, 53 года звучащий в ушах нашей планеты!

Л. Ф.

VIAJE A SU GUSTO Y CONVENIENCIA

Venga a

“REX”

AGENCIA DE VIAJES Y TURISMO INTERNACIONAL

R. S. Peña 995 — 3º D
35 - 5251 - 7958

ГРУППА РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ
под руководством актрисы белградского театра Л. Г. Седовой

устраивает
12-го ДЕКАБРЯ 1971 г. в 16 ЧАСОВ в
Teatro “Evaristo Carriego” Paroissien 4447, Capital
(Altura Av. Del Tejar 4100)

СБОРНЫЙ СПЕКТАКЛЬ:

Сценка из “МЕРТВЫХ ДУШ” — Гоголя;
“ПРЕДЛОЖЕНИЕ” — Чехова;
“СЕРДЦЕЕД” — Аверченко;
“БРАК ПО РАСЧЕТУ” — Ренникова.

Режиссер — Л. Г. СЕДОВА Помощник режиссера — А. ПАПКОВ
Участвуют: В. Бауман, А. Скалон, В. Хасапов, П. Шленев, А. Дубина, Н. Хасапова, А. Папков, Г. Кульбицкий.

Декоратор АЛЕКСАНДР ПАПКОВ

Билеты: от 1 до 7 ряда — 500 песо, остальные — 350 песо: заказывать заблаговременно ввиду ограниченного количества мест по телефонам: 758-3628, 796-6067, 758-2309.

Начало ровно в 16 часов. Просим не опаздывать, так как зал нужно освободить в 19.30 часов.

Способы сообщения: станция Saavedra и коллективы 41, 67, 71, 76, 93, 227, 149.

Оставшиеся 22 билета будут продаваться при входе.